

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.2

З. Н. Левашкина

ЖЕСТОКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ В ВАРВАРСКИЙ ПЕРИОД В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Рассматривается жестокое отношение к детям в период варварства в Западной Европе, а также в ходе сравнения детства в Западной Европе и в России выявляется историческое своеобразие отношения взрослых к своим чадам. С детства закладывались установки агрессивного поведения. Варвар с детства должен был выживать в условиях суровой действительности. Наблюдается достаточно архаичное, жестокое отношение к ребенку, которое являлось основой для формирования авторитарной структуры характера в обозначенный период.

Ключевые слова: *детство, варвар, жестокость, авторитарная структура сознания.*

Детство – традиционный и один из наиболее важных предметов социально- и историко-антропологического изучения культур прошлого и настоящего. Оно представляет собой проблему, решение которой лежит в сфере междисциплинарных исследований.

Современное отношение к детям и потомству со стороны взрослых декларируется как отношение, пронизанное любовью и бескорытием. Прецеденты, противоречащие этому, вызывают недоумение, неодобрение и осуждение со стороны общества. В современном обществе господствуют идеи детоцентризма и индивидуализма, ценности и неповторимости каждой детской души. Но всегда ли было так? Всегда ли понятия «ребенок» и «детство» имели тот смысл, который мы вкладываем в них сегодня? С полной уверенностью нельзя ответить ни «да», ни «нет».

Как свидетельствуют исследования антропологов и археологов, у первобытного человека и современных людей отсутствуют отличия биологического характера. Различия в жизни древних и современных людей наблюдаются на социальном уровне. В ходе истории непрерывно росло обогащение материальной и духовной культуры человечества. За тысячелетия человеческий опыт увеличился во много раз [1, с. 100].

Детство – это период жизни человека, продолжающийся от рождения до начала периода активного полового созревания, формирования мировоззрения и появления возможностей выполнения общественно необходимой деятельности, подверженной самоконтролю и ответственности. Для историков очевидно, что феномен детства в разных культурах

имел различное историко-психологическое содержание.

В статье предпринята попытка рассмотреть отношение к детям в Западной Европе в варварский период и выявить причины исторического своеобразие отношения взрослых к своим чадам, которое мы постараемся обозначить в ходе сравнения детства в Западной Европе и в России. А это своеобразие очевидно. Достаточно провести такую параллель. Казалось бы, еще не так давно россияне зачитывались книгами доктора Спока, в свое время совершившими революцию в западной системе воспитания детей, не говоря уже о нашем отечестве. Между тем дискуссии о наказании педофилии или время от времени всплывающие в прессе и на телевидении темы типа «Почему в России не любят детей?» [2, с. 6] сигнализируют об отличиях¹. Эти отличия проявляются не только на уровне повседневности, менталитета, законодательства, но и характерным образом отражаются в тех приоритетах, которыми обладает западное гуманитарное знание в понимании детства как особого периода в жизни личности, специфики его протекания в разных культурах [3–5], равно как и рекомендательных и действенных практиках, помогающим взрослым справиться с той или иной проблемой (в том числе и детской жестокости, чаще всего зеркально отражающей нашу взрослую). Режим большого времени позволяет понять эти различия. Именно историк, вооруженный психологическим знанием способен многое прояснить в этих культурно-исторических отличиях. А потому начнем с истоков.

Варварский мир – это мир воинов, имеющий архаичные традиции [6]. Воспитание детей было

¹ Сказанное вовсе не означает, что в западной толерантной цивилизации проблем жестокого отношения к детям, равно как детской жестокости, не существует. Более того, долгое время оставаясь культурой достижений (термин психолога А. Сорина), западная цивилизация вовсе не избавилась от связанных с ней флюсов, и в частности тех, что связаны с безбрежным индивидуализмом со всеми вытекающими отсюда последствиями.

подчинено в качестве наиважнейшей задачи – возвращению будущих воинов. При этом следует помнить, что сами климато-географические, природные условия задавали алгоритм функционирования общества и отношения его к своим членам, в том числе и к детям. Скудость материальных условий была одной из важнейших детерминант отношения к детству.

Остановимся вначале на языческой практике детоубийства. Как пишет Д. Хёркли в работе «Средневековые дети», все народы, входившие в Римскую империю, исключая евреев, допускали детоубийство в случаях рождения больных или излишних детей. Отец в римской семье имел право отказать новорожденному в акте *susceptio*, принятия его в семью, и тем самым обрекал его на смерть. Однако вместе с тем автор отмечает, что древние заботились о воспитании детей, которое было очень суровым [7, с. 259].

Установки варваров в отношении детства, казалось бы, были иными. Германцы, по словам Тацита, детей не умерщвляют; они любят, чтобы их было много, но не уделяют внимания их воспитанию, и лишь на пороге возмужания мальчик приобретал ценность для общества воинов. Однако тарифы вергельдов в варварских «правах» свидетельствуют о том, что жизнь взрослого человека, в особенности мужчины, ценилась несравненно выше жизни ребенка или старика. В «Вестготской правде» оценка жизни человека менялась с возрастом, очень медленно повышаясь до периода возмужания и вновь резко падая в пожилом возрасте [7, с. 259]. Видимо, в сознании законодателя у варваров дети и их отношение к обществу не занимали заметного места.

Скандинавский материал, который представляет нам широко известный обычай «детей, обреченных на могилу», когда всякий желающий мог сделать с ребенком, вынесенным бондом из дома все, что хочет, проговаривается о многом. В одной из исландских саг читаем: «Когда Исландия была совсем языческой, существовал такой обычай, что люди, которые были бедны и имели большую семью, уносили своих новорожденных в пустынное место и оставляли там» [8, с. 25–26]. Новорожденного приносили отцу, и он решал, оставить ребенка в семье или нет. Если он не считал это возможным вследствие своей бедности, физических недостатков или слабости ребенка, младенца оставляли на произвол судьбы. Особенно часто так поступали с девочками. Если же новорожденного окропили водой и отец дал ему имя и взял на руки, он считался членом семьи, рода, после чего выбрасывание его расценивалось как убийство. В те времена в ходу было такое понятие *gravgangsmenn* – «люди, обреченные на могилу»: если вольноотпущенник

не мог прокормить свое потомство, детей оставляли в открытой могиле; бывший господин вольноотпущенника должен был взять наиболее крепкого из этих несчастных, остальные погибали голодной смертью. Показательно, что, когда в 1000 г. исландцы согласились принять крещение, было оговорено сохранение старинного обычая выбрасывания новорожденных.

В «Саге о Виги» X в. говорится, что во времена чрезвычайно жестокой зимы местный священник предложил пожертвовать храму денег, младенцев «вынести», а стариков убить в силу сложившихся невыносимых обстоятельств жизни и реальной угрозы для сильных членов общества умереть [9, с. 110].

Эти варварские обычаи легко осудить, однако их нельзя объяснить черствостью родительского сердца. Нужда с жестокостью «форматировала» эмоциональные связи людей. Суровые климатические условия скандинавского Севера постоянно держали ее население под угрозой голода.

Но встречаются случаи, когда языческий обычай детоубийства совершали богатые исландцы. Например, в «Саге о Гуннлауге Змеином Языке» Торстейн приказал своей жене Йюфрид в случае рождения девочки бросить ее, а если родится мальчик, то оставить. Йюфрид родила «девочку необыкновенной красоты», и, как велел муж, ребенка бросили [8, с. 26]. Рассказывается и другой случай. Женщина умерла родами, и ее родной брат в крайнем расстройстве велел вынести и утопить родившуюся девочку. Но воспитанник (приемный сын) не смог это сделать. Тем более, что девочку уже успели окропить водой и дать ей имя, после чего выносить ребенка считалось большим грехом. В результате сироту отдали на воспитание служанке, ничего ей не платя, т. е. не беря на себя никаких обязательств в отношении будущего девочки [10, с. 453].

Этот обычай детоубийства напоминает Спарту. Там мальчиков, которые были не безупречны «по форме и размерам», скидывали с горы; к девочкам это применяли не только в случае каких-либо внешних дефектов.

В этом смысле раннесредневековая Европа при всей ее сложной картине конгломерата романских, кельтских, германских традиций, языка, культуры, религиозно-правовых представлений демонстрирует себя как регион сходства, во многом близкий к другим архаическим обществам. Это отмечает и виднейший специалист по проблеме – Дж. Босуэлл. Однако, оговаривая, что ситуация отказа от детей была общей для всех стран раннесредневековой Европы, и отмечая при этом связь данного явления с римской традицией, исследователь в то же время подчеркивает: слабость центральной власти

делала неэффективными правовые нормы в защиту брошенных детей, наработанные ранее. Реальные условия жизни были сильнее законов [11, с. 88]. Речь идет о таких, к примеру, законах, как появившееся уже в позднеримскую эпоху предписание о необходимости содержания малолетних детей родителями. Декретом Валентиана от 374 г. родителям предписывалось содержать своих детей и определялось наказание за отказ от ребенка.

Он же одним из первых попытался рассмотреть проблему отказа от детей в плоскости свойственной западноевропейским варварам традиции, а именно обычая передачи ребенка в чужую семью до достижения им совершеннолетия. При этом оказалось, что в законодательстве варварских народов, по сравнению с римским правом, данной проблеме уделяется чрезвычайно мало внимания. Хоть и выдвигая предположение, что объяснить сей факт можно малым масштабом явления [11, с. 89], Дж. Босуэлл фактически опровергает его сам, находя многочисленные следы практики детоубийства у варварских народов Европы в различных источниках – художественных, биографических, агиографических.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что причины отказа от детей, включая практику подкидывания, продажи в рабство, детоубийство, не относились как таковые к изначальной жестокости взрослых в современном понимании слова, но были связаны с разного рода обстоятельствами, среди которых доминирует экономическая скудость существования, невозможность прокормить ребенка. Однако характерность явления не только для бедных слоев, но и распространенность его среди состоятельных людей побуждает иметь в виду и такие факторы, как супружескую измену, инцест, ревность и т. д.

В языческой Руси летописцы отмечали многочисленные жестокие обычаи славян. К ним относится, например, обычай, когда мать имела право умертвить новорожденную дочь, если семейство стало слишком многочисленным, но она была обязана беречь жизнь сына, рожденного для воинских дел. Но у славян существовал жестокий обычай, когда дети также могли умертвить родителей, которые стали тягостью для семьи и бесполезны для общества ввиду старости и болезней. С. М. Соловьев по этому поводу говорит, что такое поведение, приводящее нас в ужас, было обусловлено своеобразными понятиями о родственном сострадании, а не варварской жестокостью. Это больше относилось к племенам воинственным, западным, которые не могли позволить иметь у себя слабых и увечных, не способных воевать. Подобные обычаи не отмечались у мирных землевладельческих народов, так же как и у восточных славян, которые об-

ходились с престарелыми и слабыми родственниками более гуманно [12, с. 20–21].

В связи с упоминанием о детоубийствах уместно будет обратиться к работе Ллойда Демоза по истории детства. Описывая эволюцию детства, он говорит, что детоубийство наблюдается еще с античности. Детей швыряли в реку, в кучу навоза, в помойную яму, сажали в кувшин, чтобы умерить голодом, оставляли на пригорке или на обочине дороги «на растерзание птицам и диким зверям» [13, с. 43]. Л. Демоз приводит периодизацию типов отношения родителей и детей в истории. IV–XIII вв. н. э. – оставляющий стиль. Младенца сбывают кормилице либо отдают в монастырь или на воспитание в чужую семью, либо держат заброшенным и угнетенным в собственном доме. Символом этого стиля может служить Гризельда, оставившая своих детей ради доказательства любви к мужу. Отметим, что эта теория не работает вне широкого социокультурного контекста, учитывающего специфику исторического и экономического развития, географический фактор, наработанные исторически ценностные ориентации культуры. Например, географическое положение, которое определяло суровый климат Скандинавии, было одним из определяющих факторов в традиции детоубийства младенцев. В более мягком и плодородном итальянском мире, оставившем к тому же богатый источниковый материал, мы практически не встречаем подобного рода практик. Исходя из этого данную периодизацию вряд ли можно применить с одинаковым успехом и к Западной Европе, и к России. Возможности историко-культурного редактирования инструментария Демоза дает разработанная в рамках томской методолого-историографической школы технология анализа бесознательного [14, 15].

Германский мир – мир воинов. Неудивительно, что он ориентирован на воспроизводство прежде всего воина-мужчины. Отсюда и неслучайность своеобразной закономерности, если говорить о практике оставления детей или детоубийстве. А. А. Сванидзе по сагам реконструировала процесс воспитания. Мальчик должен был овладеть рядом умений, навыков или «искусств», обладание которыми делало его полноценным мужчиной, воином. Непременным было воспитание физической силы: умение бороться, плавать, ездить верхом, ходить на лыжах, владеть оружием (луком, мечом, ножом, секирой, копьем и т. д.) и драться с помощью двойного оружия, владеть щитом, ходить на лодке и корабле, знать оружейное дело [16, с. 11].

Причем это воспитание достаточно прозрачно выявляло авторитарную природу сознания варваров, проявлявшуюся в поведении, которое совре-

менный человек назвал бы, скорее всего, жестоким. В «Саге о Волсунгах» мать, чтобы испытать силу воли сыновей, пришила рукава их одежды «к коже и мясу, потом сдирала». Кто не кричал при этом, тот был признан исконным Волсунгом [17, с. 185].

Примечательно, что ценностные ориентации взрослого мира калькировались играми детей. «Никогда не видел ты человеческой крови», – было позорным упреком для мужчины. И в детских играх не уважали мальчиков, не убивших хотя бы одного зверя [9, с. 82]. Иногда даже во время детских игр происходили смертоубийства. Так случилось со знаменитым скальдом Эгилем Скаллаgrimсоном. На двенадцатом году жизни «Эгиль был очень силен в борьбе, **вспыльчив и горяч** (выделено мною. – З. Л.), и все отцы просили своих сыновей уступать ему в спорах». Как-то зимой была многолюдная игра в мяч на поле у реки Хвиты. Эгиль приехал на игры вместе со своим родичем Тордом – сыном Грани. Эгилю пришлось играть против своего одноклассника – мальчика по имени Грим – сына Хегга, который во время игры оказался сильнее Эгиля. Когда Эгиль попытался стукнуть Грима, последний поколотил обидчика да еще прибавил, что еще больше задаст задире, если тот не научится хорошо себя вести. Эгиль обиделся, но смолчал, зато пошел к Торду – сыну Грани и рассказал ему, что произошло. Торд дал Эгилю секиру, которую держал в руках. Вместе они пошли туда, где играли мальчишки. Эгиль подбежал к Гриму и рассек ему голову. Грим умер на месте. Когда же они вернулись домой, то отец Эгиля, Скаллаgrim, был им недоволен, зато мать сказала, что из ее сына вырастет отличный викинг и что надо ему дать боевой корабль, как только он немного подрастет [8, с. 131]. Через год отец во время игры убил Торда – сына Грани, но Эгиль сумел отомстить ему и убил управляющего усадьбой отца, которого тот очень любил.

Приведенный сюжет является ярким примером воспитания избыточного мужества у варваров, которое питалось избыточным самоутверждением. Эти ценностные установки вкупе с неразвитым сознанием и духовным миром порождали соответствующее отношение к жестокости. Вспышки горячности в детях нравились родителям больше слабой боязливости, не предвещавшей никаких храбрых подвигов. «Храбрым не станет стареющий воин, коль в детстве был трусом», – читаем в «Старшей Эдде» [9, с. 82].

Жестоким в современной системе координат было отношение не только к детям простолюдинов, но и королевским отпрыскам. В материалах, относящихся к V–VII вв., можно найти соответствующую информацию, в частности связанную с передачей престола. К таковым можно отнести

рассказ автора «Книги истории франков» о коварстве сына Хлодвига короля Хильдеберта: «Ему показалось, что его мать-королева Хродехильда, воспитывает с большей любовью его племянников – сыновей старшего брата Хлодомера. Король решил, что она готовит их к царствованию. Тогда он хитростью заманил племянников к себе и собственноручно заколол обоих кинжалом (одному из детей было 10, другому 7 лет) [18, с. 88].

Особое место следует уделить церкви и ее отношению к проблеме. Здесь следует различать религиозные идеологемы или максимы и саму практику церкви. Впрочем, как и их взаимовлияние. Начнем с того, что ветхозаветная традиция основывалась на особых правах родителей, включая жертвоприношения детей (вспомним Авраама). Новый Завет приносит новое интонирование проблемы. Оно было обусловлено тем, что в обстоятельствах темной переходной эпохи нарастали не только умонастроения, связанные с архаизацией сознания, но и, как отмечает И. С. Свенцицкая, многие «...тянулись к богам, которые бы “слышали их” и “понимали”» [19, с. 40]. Внимание к себе, индивидуализация оборачивались вниманием к другому. Появление в христианской традиции образа блудного сына и прощения отца закономерно. Равно как неслучайны и другие новации. Уже признается не только необходимость почитания родителей детьми, но и обязанность родителей воспитывать детей. Раннехристианские философы и писатели внесли немало нового в решение вопроса. Например, Афенагор (Пв.) утверждал, что бросание детей равнозначно детоубийству. Осуждал подобные действия и Климент Александрийский (III в.). Идеи «духовной семьи», «духовного родства», как отмечает уже упоминавшийся Дж. Босуэлл, способствовали укреплению практики усыновления [11, с. 76].

В связи с утверждением церкви как института, укоренения ее в германских землях все более распространенной становится такая новая форма отказа от детей, как передача их в пользу церкви. Как правило, она осуществлялась в двух вариантах. Либо дети анонимно подкидывались к дверям церкви, либо официально передавались на воспитание в монастырь. Последний вариант, судя по наблюдениям некоторых авторов, вскоре становится преобладающим способом отказа от детей. Эта практика регламентируется монастырскими уставами и решениями церковных соборов. Дж. Босуэлл полагает, что эти изменения свидетельствовали о гуманизации по отношению к детям, особенно если учесть, что дети могли подняться вверх по социальной лестнице или, по крайней мере, сохранить свой статус свободнорожденного [11, с. 81]. Соглашаясь отчасти с этим, следует заметить, что преувеличивать приращение гуманности нельзя. Из-

вестно, что дети, отданные в монастырь, фактически лишались свободы. Они под страхом отлучения от церкви не могли покинуть его стены, вступить в брак, были вынуждены отказаться от собственности.

Для нас гораздо важнее другое. Конечно же, при всем том, что церковь не могла не влиять на умы неопитов, **сами условия бытования как клира, так и его паствы** в наибольшей мере определяли каждый конкретный культурно-исторический и психологический вариант отношения к явлению. Вспомним хотя бы уже приводившийся пример из «Саги о Виги». В силу сложившихся невыносимых обстоятельств жизни и реальной угрозы для сильных членов общества умереть – была чрезвычайно жестокая зима – местный священник предложил пожертвовать храму денег, **младенцев «вынести»**, а стариков убить. Этот аргумент не единичен. Специалистами антропологами давно замечено, что на средневековых кладбищах плохо представлены детские скелеты (особенно новорожденных младенцев). Эттер и Шнайдер напрямую связывают данную ситуацию с пренебрежитель-

ным отношением родителей к своим детям, выразившимся в нежелании выкармливать неугодных им детей, а когда те умирали (часто некрещеные), в стремлении скрыть это путем тайного захоронения их останков за пределами кладбища. Примечательно в этом поведении церкви – неспособной или не желавшей вмешиваться в столь щекотливые дела¹ [20, с. 262–263].

Скандинавы, и варвары в целом, во многом «по-варварски» смотрели на своих детей. «Отставание» Скандинавии от темпов европейского социального и культурного развития, ее сравнительно позднее приобщение к христианской культуре способствовали тому, что здесь были надолго «законсервированы» архаические традиции духовной жизни [21, с. 67]. С детства закладывались установки агрессивного поведения, характерного в чем-то для животных. Варвар с детства должен был выживать в условиях суровой действительности. На русской почве мы также наблюдаем достаточно архаичное, жестокое отношение к ребенку, которое являлось основой для формирования авторитарной структуры характера в обозначенный период.

Список литературы

1. Бесчастная А. А. Детство: история и современность. СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2007. 186 с.
2. Варламова Д. Почему в России не любят детей? // Комсомольская правда. 2011. № 150. 16 с.
3. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева; сост. и послесл. И. С. Кона. М.: Главная ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1988. 429 с.
4. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с фр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 415 с.
5. Эриксон Э. Г. Детство и общество / пер. [с англ.] и науч. ред. А. А. Алексеева. СПб.: Речь, 2000. 415 с.
6. Николаева И. Ю. Архаика и гендерные коды культуры в свете исследования сферы бессознательного // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 1 (52). С. 92–98.
7. Хёркли Д. Средневековые дети // Культура и общество в средние века: методология и методика зарубежных исследований. Реферат. сб. М., 1982. 264 с.
8. Исландские саги. М.: ГИХЛ, 1956. 783 с.
9. Цит. по: Будур Н. В. Повседневная жизнь викингов. IX–XI века. М.: Молодая гвардия, 2007. 463 с.
10. Исландские саги. Ирландский эпос / сост. и вступит. статья к исландским сагам М. И. Стеблин-Каменского. М., 1973. 862 с.
11. Boswell J. The Kindness of Strangers: The Abandonment of Children in Western Europe from Late Antiquity to the Renaissance. N. Y.: Panteon books, 1988. 488 p.
12. См. об этом: Анишкин В. Г., Шманева Л. В. Быт и нравы царской России. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 464 с.
13. Демоз Л. Психоистория. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 512 с.
14. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. Вып. III: Историографическая революция. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 553 с.
15. Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификации в истории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 410 с.
16. Сванидзе А. А. Дети и детство в сагах // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2006. № 12. 342 с.
17. Корни Иггдрасиля. Эдда. Скальды. Саги. Приложения / сост. и отв. ред. О. А. Смерницкая. М., 1997. 639 с.
18. Цит. по: Батурин А. П. Первые короли средневековой Европы: кто они, какие они? (по страницам западно-европейских хроник). ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2010. 130 с.
19. Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. М.: Политиздат, 1988. 335 с.

¹ Примечательно, что обнаруживается со временем, как отмечают исследователи, некоторое увеличение доли младенцев среди похороненных на кладбищах более позднего времени.

20. Габдрахманов П. Ш. Детерминанты развития народонаселения в средние века // Культура и общество в средние века в зарубежных исследованиях. Реферат. сб. к XVII Междунар. конгр. ист. наук (Мадрид, авг. 1990 г.) М., 1990. 274 с.
21. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 395 с.

Левашкина З. Н., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: zoyagulik@mail.ru

Материал поступил в редакцию 19.01.2012.

Z. N. Levashkina

CRUEL ATTITUDE TO CHILDREN IN THE BARBARIAN PERIOD IN WESTERN EUROPE

The article deals with the problem of cruel attitude to children in the period of barbarism in Western Europe. The historical peculiarity of attitude to the children is revealed during the comparison of childhood in Western Europe and Russia. The settings of barbarian cruel behavior were found since childhood. A barbarian had to survive in conditions of severe reality since childhood. We can see archaic, cruel attitude to the children which was the basis of formation of the authoritarian structure of consciousness.

Key words: *childhood, barbarian, cruelty, authoritarian structure of consciousness.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievckaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: zoyagulik@mail.ru